

If there is something that Mati Hint cannot stand, it is stupidity, particularly arrogant stupidity. Stupid questionnaires, stupid answers, stupid politicians and stupid linguistic analyses could make him behave unpredictably. I think you know what I mean. He may throw papers or walk out of the room or write a 60-page article. Whichever option he chooses, he does it with passion. This is the reason why his papers are read with panic, and why some small bureaucrats at the university rather die than approach him direct.

Deep in his hearth, however, he is not a bad man at all. He is just impulsive, and does what ordinary people do not dare to do (though they would want to). He has told me that at soviet times the party organisation at the department has labelled him as "politically suspicious and morally unstable". Now, at better times he often uses this phrase jokingly to characterise himself. Though the times have changed, I guess that he undoubtedly would appear as such to any politically orthodox and socially conformist citizen even still. Yet I cannot blame him for this. The reason is that whatever he does, he is sincere

and has no intention to hurt. He is like Mr Bean — a natural disaster.

Thus, all things considered, he is a remarkable man. He is inspiring and irritating, he is ugly and tender (at times), he is vain and vulnerable. But he is never boring, because his mind is always enquiring. And this is not bad at all when you are 60. Actually, curiosity is characteristic to children. They keep on asking questions to form a picture of the world. For most of the people, at some point the picture is considered complete and no more questions are asked. This is the moment when they have grown up.

On the other hand, curiosity about the world is a major prerequisite for scholarly work. A scholar should never stop asking questions about things. A normal grown-up would never do this. A normal grown-up knows everything that there is worth knowing, and he certainly would not make out a fool of himself by asking useless questions. Thus, you have to be a child to become a good scholar. Mati Hint is just a splendid example of this.

MARTIN EHALA (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1997.4.10>

В. М. Вахрушев, *Синонимъёсын удмурт-ӝуч кылбугор*, Ижевск, "Удмуртия", 1995. 280 с.

Корпус лексикографических источников удмуртского языка пополнился достаточно солидным как по объему, так и по своим научно-практическим качествам изданием — «Синонимъёсын удмурт-ӝуч кылбугор» (Удмуртско-русский словарь синонимов) В. М. Вахрушева. Сам ученый, к сожалению, не увидел своего труда в типографском исполнении — в ноябре 1995 года после тяжелой болезни он ушел из жизни. Прежде чем приступить к анализу выше-названного словаря, хотелось бы вкратце ознакомить читателей с биографией и научной деятельностью удмуртского ученого.

Василий Максимович Вахрушев родился 31 января 1918 года в деревне I Выжейл Якшур-Бодьинской волости Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне д. Выжойл (Выжойл) Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики) в семье крестьянина. В 1936 году после окончания Якшур-

Бодьинского педагогического техникума он поступил в двухгодичный Ижевский учительский институт; по завершении учебы с 1938 года работал учителем русского языка и литературы в школах Удмуртии и других республик бывшего СССР. В 1947 году он закончил заочное отделение филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института (ныне Удмуртский государственный университет).

В 1943 году В. М. Вахрушев был призван в действующую армию, принимал участие в Великой Отечественной войне, был ранен и после лечения в госпитале в 1944 году освобожден от несения воинской службы, а в октябре того же года принят на работу в Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН) в сектор языка в

качестве научного сотрудника. В 1955 году В. М. Вахрушев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политическая лексика в удмуртском языке», с 1960 года он — старший научный сотрудник, а с 1972 по 1986 год — заведующий сектором языка. Будучи на заслуженном отдыхе, ученый продолжал научную работу до 1992 года.

За 48 лет активной и плодотворной деятельности В. М. Вахрушев написал и опубликовал более 70 названий трудов. Широкий и разнообразный диапазон затронутых и исследованных им проблем — это разработка, систематизация и усовершенствование правил удмуртской орфографии (статьи и монография «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и орфография. Орфоэпия» (1992) в соавторстве с В. Н. Денисовым), составление учебных программ по удмуртскому языку и литературе для школ республики. Ряд статей посвящен этимологии отдельных удмуртских слов, анализу путей формирования и развития удмуртского литературного языка и его взаимосвязи с диалектами (Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдНИИ, вып. 19 (1959); К вопросу развития лексики удмуртских диалектов. — ЗУдНИИ, вып. 19 (1959); Диалектизмы в удмуртском литературном языке. — Вопросы финно-угроведения. Языкознание. Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов, Сыктывкар 1979; Диалектизмы в произведениях Г. К. Перовщикова. — Вопросы диалектологии и ономастики, Ижевск 1983).

Значителен вклад ученого и в изучение морфологии и синтаксиса удмуртского языка (соответствующие разделы в «Грамматике современного удмуртского языка» 1962; 1970; 1974; Субстантивные словосочетания в удмуртском языке. — Словосочетания в удмуртском языке, Ижевск 1980), кроме того, он занимался редактированием научных сборников и монографий, издаваемых сектором языка, и рецензированием трудов своих коллег.

Однако наибольший удельный вес среди научных работ В. М. Вахрушева имеют публикации по лексикологии и лексикографии. Он был одним из авторов-составителей «Удмуртско-русского словаря» (1948) и «Русско-удмуртского словаря» (1956), а за активное участие в составлении и редактировании «Удмуртско-русского словаря»,

опубликованного в 1983 году издательством «Русский язык» в Москве, В. М. Вахрушеву было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР». Он также разрабатывал и был ответственным редактором «Удмуртского орфографического словаря» (1984). В 1988 году издана его монография «Удмуртская лексикография», в которой анализируются все словари удмуртского языка, известные к тому времени, в том числе и рукописные. В настоящее время готовится к изданию составленный им «Удмуртско-русский словарь омонимов».

Итогом многолетней кропотливой работы В. М. Вахрушева стал рецензируемый словарь синонимов, в котором собрано около 3200 синонимических рядов. Основные теоретические вопросы, касающиеся системных парадигматических отношений в словарном составе удмуртского языка, в том числе и синонимии, уже нашли отражение в ряде публикаций (И. В. Тараканов, В. М. Вахрушев), но специального словаря синонимов не издавалось, поэтому появление вышеупомянутого труда можно считать не только значительным событием в истории удмуртской лексикографии, но и существенным вкладом в финно-угорское языкознание (по другим финно-угорским языкам словари синонимов появились намного раньше).

По типу словарь является переводным, двуязычным, удмуртско-русским, что, безусловно, повышает его научную и практическую ценность, позволяя более интенсивно использовать приведенный материал широкой аудиторией лиц, не владеющих удмуртским языком.

В небольшой вступительной статье, сначала на удмуртском, а затем на русском языке, В. М. Вахрушев делает краткий экскурс в историю вопроса, анализирует словари синонимов русского языка, дает определение основных понятий, касающихся темы, таких как синонимия, доминанта, синонимический ряд. В определении синонимии автор придерживается определения, данного русским лингвистом А. П. Евгеньевой, и называет синонимами тождественные или близкие по значению слова, выражающие одно и то же понятие. Подробному описанию технических и методических приемов, использованных при составлении словарных статей, посвящена глава «Как пользоваться словарем».

Словарная статья представляет собой синонимический ряд, т.е. перечень слов-синонимов, тождественных (абсолютных) и нетождественных (относительных), расположенных в определенном порядке, после которых дается перевод на русский язык эквивалентными синонимами. Доминанты, или заглавные слова, начинающие синонимический ряд, следуют в определенном порядке. Если доминанта синонимического ряда может вступать в антонимические отношения, в конце словарной статьи дается ее антоним с переводом на русский язык, например: *выльйе, выльэ, вылланы, вылланы* 'вверх, вывьс'. Ант. *улланы* 'вниз' (с. 62); *кот, нюр; нюр-кот; зор-кот, мускыт, шуль* 'влажный, сырой, мокрый // сыро, влажно, мокро'. Ант. *кӧс* 'сухо' (с. 123).

Часть синонимических рядов снабжена иллюстративным материалом, извлеченным из периодической печати, художественной литературы, фольклорных текстов.

В состав словарных статей наряду с нейтральной лексикой вошли слова, разные по своим функционально-стилистическим характеристикам (устаревшие, разговорные, ласкательные, детские и т.д.): *йьрвонка* уст., *гирвонка*; *фуныт* сев. 'фунт' (с. 107); *анал-мем, куштйськем; кучкэм* разг. 'запущенный, заброшенный' (с. 27); *ангес* (анлэс разг.), *анйыл, гурул* 'подбородок' (с. 28); *дыды, нылок, нылаш, нылоке, дыдыке, дыдые* ласк.; *џезе* диал. 'девочка, девчурка, девушка' разг. (с. 79); *кук, пыд; пубы* дет. 'нога; ножка, лапа, лапки' (с. 132) и т.д.

Системные парадигматические отношения, характерные для лексического уровня языка, наблюдаются и в области фразеологии, что также нашло отражение в словаре. Синонимичные соответствующим лексемам фразеологические единицы включены в синонимические ряды и расположены после знака в виде ромба (◊): *куатасыксыс, куатали* ◊ *куата пуйы* 'капризник, купризуля, привередник, привереда, причудник' (с. 128); *чурыт* П, *аксым, сук; алышной* 'скупой, жадный; алчный, скарденый' ◊ *чурыт адямы* (мурт), *чурыт куртчым* (куртчэм), *чурыт кӧлы* 'скряга, скупец // скупой' (с. 231) и т.д.

Некоторые словарные статьи полностью состоят из образных выражений: *инмар понна, куазь понна, кизили понна, шунды понна, инмар-кизили понна, тыл понна, тыл-кизили понна, тыл-шунды понна, шунды-кизили понна, нянь понна, шунды-нянь пон-*

на, куазь-шунды понна, вӧт инмар; вӧсе! инмар мед җашьӑз! 'ей-богу, честное слово; клянусь богом, ей-ей, право, право слово (клятвенно обещать, божиться, клясться богом, солнцем, звездой, огнем, хлебом)' (с. 102); *кӧй голяны* (гочатыны), *кӧй бычатыны* 'беситься с жиру' разг. (с. 124) и т.д.

Все представленные в словаре лексические группы, разные по своим функциональным стилям и сфере употребления, и даже не входящие в арсенал современного удмуртского литературного языка, составляют неотъемлемую часть общенационального языка. Их включение в синонимические ряды можно отметить как один из положительных моментов рецензируемой работы, ибо они свидетельствуют о богатстве и своеобразии лексических ресурсов удмуртского языка и служат ценнейшим материалом для изучающих язык.

В конце словаря приводится «Индекс ссылочных слов», куда включены слова и выражения (члены синонимического ряда), которые в словаре в качестве заглавных слов не даны; при необходимости их можно легко отыскать при помощи данного индекса.

При всех своих достоинствах словарь тем не менее не лишен и отдельных недостатков. В частности, возникают большие сомнения относительно синонимичности некоторых слов, включенных в синонимические ряды. Так, в словарной статье: *пушмыны, пуш* (сю) *куасьмыны, пуш тырыны* 'чувствовать жажду; высохнуть в горле' (с. 187), сочетание *пуш тырыны* в современном удмуртском литературном языке употребляется в значении 'расчувствоваться, прослезиться'. Заглавное слово синонимического ряда *ужтэманы, ужтэк кылыны, ужтэммыны* 'остаться без работы; стать (становиться) безработным' (с. 215), насколько известно рецензенту, в указанном значении в удмуртском литературном языке не употребляется, а имеет значение 'бездельничать, заниматься ненужным или неважным делом; что-то ломать (сломать) или разбить'.

И, напротив, некоторые синонимичные слова не вошли в синонимические ряды. Например, в словарную статью *бадзьманы, бадзьм* (*быдзьм*) *луыны; бадзьммыны* (*бадзьманы*) разг.; *зӧкомыны, зӧк луыны* сев. 'становиться (стать) большим (крупным, значительным); увеличиваться, увеличиться, становиться (стать) взрослым, взрослеть, повзрослеть' (с. 31) не попало обще-

употребительное слово литературного языка *будыны* с этим же значением 'расти, вырасти; взростеть, повзростеть'.

В предисловии отмечено, что к доминантам синонимических рядов приводятся антонимы (где это возможно), но данный принцип выдержан не до конца: встречаются случаи, когда к заглавным словам антонимы не подобраны, например: *берло* 'потом, затем, после' (с. 36) — можно подобрать антоним *азьло* 'раньше, вначале'; *жоог* 'быстро, скоро' (с. 87) — существует антоним *каллен* 'медленно, неспеша'; *лазег* 'мелкий, неглубокий' (с. 141) — имеется антоним *мур* 'глубокий'.

Отмеченные погрешности не перечер-

кивают достоинств данной лексикографической работы. Система подбора и подачи материала, расположение и оформление словарных статей предоставляют реальную возможность для интенсивного использования его богатого лексического арсенала при подборе необходимого, наиболее подходящего слова для выражения мысли. Словарь синонимов может быть использован специалистами самых разных сфер деятельности, связанных с удмуртским языком, — научными работниками, переводчиками, журналистами, учителями, преподавателями, учащимися, студентами и всеми теми, кто интересуется языком и культурой удмуртского народа.

Г. Н. ЛЕСНИКОВА (Ижевск)

Juha Janhunen, Manchuria. An ethnic history, Helsinki 1996 (MSFOu 222). XV + 335 S.

Ich habe schon eine ganze Zeit darüber nachgedacht, warum das zur Rede stehende Buch von Juha Janhunen mich, einen Erforscher der uralischen, besonders aber der samojedischen Sprachen, so sehr fesselt. Natürlich nicht nur, weil der Autor seiner Ausbildung nach Uralist und Komparativist ist, weil der verstorbene Aulis J. Joki unser gemeinsamer Lehrer war, weil J. Janhunen große Verdienste in der Erforschung der uralischen Lautgeschichte zukommen, weil er beim Erlernen der estnischen und kammassischen Sprache mein Schüler war und weil wir selkupische Texte von K. Donner gemeinsam übersetzt haben. Und auch wohl deshalb nicht, weil man in der Mandchurei die burjatische Sprache spricht, weil es bei den Uraliern in den von den Vätern an die Söhne vererbten Y-Chromosomen nach Angaben der unter R. Villems in Tartu forschenden Arbeitsgruppe Eigenschaften gibt, die gerade bei den Burjaten in großen Mengen auftreten (Villems u.a. 1997) — sicherlich auch deswegen. Ganz besonders aber deshalb, weil J. Janhunen bei der Bestimmung der Identität von Menschengruppen das Hauptgewicht auf deren Sprache legt (s. vor allem S. 21).

Ja sicher noch aus dem Grunde, wie er im allgemeinen zur Sprachverwandtschaft steht. Ein Zitat von J. Janhunen: "Genetic iden-

tity, as understood in the linguistic sense, links modern ethnic groups not only with their historical ancestors but also with each other, defining genetic groups or *language families*. The fact that several modern ethnic groups can have a single linguistic ancestor, corresponding to the speakers of their common protolanguage, is apparently the principal factor lying behind the monogenetic approach to ethnohistorical research. The typical situation in any given region is that the multitude of the modern speech communities go back to a considerably smaller number of linguistic protocommunities. The correct conclusion from this situation is, however, not that there were fewer ethnic groups in the past, but that many ancient ethnic groups can no longer be identified, since their languages have been absorbed by the surviving language families. [---] the one thing certain is that there has been no significant increase in the linguistic diversity of the world as a whole." (S. 22—23).

Zuerst etwas über die ältesten Weisheiten. J. Janhunen schreibt richtig, daß Hominiden — *Homo erectus* — bereits vor ca. 500 000 bis 200 000 Jahren in Ostasien lebten; zu einem Zeitpunkt als es den heutigen Menschen — *Homo sapiens sapiens* — überhaupt noch nicht gab. Vor etwa 50 000 bis 30 000